

В. Я. СТОЮНИНЪ, КАКЪ ПЕДАГОГЪ И ЧЕЛОВѢКЪ.

РЪЧЬ

Ф. А. ВИТВЕРГА.

(Отд. оттискъ изъ ж. „Педагогическій Сборникъ“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюльвича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

—
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 января 1899 г.

В. Я. Стоюнинъ въ 60-хъ годахъ.

В. Я. Стоюнинъ. ¹⁾

4-го ноября нынѣшняго года исполнилось 10 л. со дня кончины одного изъ замѣчательныхъ педагоговъ нашихъ, В. Я. Стоюнина. И вотъ, мы собрались сегодня, чтобы почтить его память благодарнымъ воспоминаніемъ. Но чѣмъ же онъ заслужилъ это? Что онъ сдѣлалъ такого, за что стоило бы вспомнить его? Отвѣтомъ на эти вопросы да послѣдуетъ предлагаемый краткій очеркъ его жизни и его педагогической дѣятельности.

В. Я. Стоюнинъ родился въ 1826 г., въ купеческой семьѣ. Отецъ его былъ сначала человѣкомъ достаточнымъ, но ко времени появленія на свѣтъ В. Я. онъ разорился, и потому будущему педагогу пришлось провести младенческіе годы въ довольно строгой и суровой обстановкѣ, что, вѣроятно, отразилось и на его характерѣ, сообщивъ ему нѣкоторую замкнутость и сдержанность въ словахъ и въ обращеніи, сохранившіяся въ немъ на всю жизнь. Ученіе свое онъ началъ въ Анненской школѣ, откуда перешелъ въ 3-ю Спб.-ю гимназію. Здѣсь проявилась въ немъ склонность къ словеснымъ наукамъ и къ собственнымъ литературнымъ занятіямъ: онъ любилъ писать стихи, въ которыхъ въ довольно недурной формѣ высказывались занимавшія его тогда чувства и мысли. Окончивъ гимназическій курсъ въ 1846 г., онъ поступилъ въ Спб. Университетъ на

¹⁾ Рѣчь, прочитанная въ Педагогическомъ Музеѣ, въ отдѣлѣ Каменскаго, въ засѣданіи 15-го ноября 1898 г., посвященномъ памяти В. Я. Стоюнина по случаю десятилѣтія со дня его кончины.

восточный факультетъ. Такой неожиданный для будущаго педагога и историка русской литературы выборъ факультета сдѣланъ былъ подѣ влияніемъ чтенія разныхъ путешествій по востоку, особенно интересовавшихъ въ то время В. Я.—Понятно, поэтому, что обязательныя факультетскія занятія не поглощали всего вниманія молодого студента, и онъ съ особенной любовью предавался занятіямъ поэзіей и искусствомъ, и плодомъ этихъ занятій были двѣ студенческія работы: «Вліяніе Пушкина и Крылова на русскій языкъ» и «Науки и искусства въ древнемъ и новомъ мірѣ», заслужившія весьма похвальные отзывы профессоровъ. Вторая изъ этихъ статей была напечатана въ Библ. для чтен. 1848 г., и является первымъ печатнымъ произведеніемъ В. Я.

Окончивъ въ 1850 г. университетскій курсъ, В. Я., вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, долженъ былъ искать не службы на востокѣ, о которой мечталъ при поступленіи въ университетъ, а занятій для обезпеченія разорившейся семьи. Пробившись два года на частныхъ урокахъ, онъ получилъ въ 1852 г. должность старшаго учителя русскаго языка и словесности въ той же 3-й гимназіи, гдѣ и самъ воспитывался. Такимъ образомъ, какъ это часто бываетъ, сами обстоятельства привели его къ тому роду занятій, который всего болѣе соотвѣтствовалъ его идеальнымъ стремленіямъ и на которомъ онъ оказалъ самыя важныя услуги и какъ педагогъ, и какъ авторъ цѣнныхъ сочиненій по русскому языку и словесности.

Но дѣятельность учителя пока еще не удовлетворяла его. Онъ самъ признается въ своихъ неоконченныхъ, къ сожалѣнію, запискахъ, что онъ тогда не понималъ еще высокаго значенія призванія педагога, и о трудахъ учителя судилъ по впечатлѣніямъ отъ своихъ учителей, «которые, командуя нами, говорятъ [онъ, трепетали передъ грознымъ попечителемъ, извѣстнымъ Мусинымъ-Пушкинымъ]».

Обнаружившаяся еще на школьной скамейкѣ склонность къ стихотворству, не только не покинувшая его при поступленіи на педагогическое поприще, но даже усилившаяся, порождала въ немъ мечты о литературной дѣятельности, о славѣ писателя.

Написанные въ это время стихотворные опыты свои онъ

посылалъ на обсужденіе своему бывшему наставнику по 3-й гимназіи, А. С. Власову, служившему въ это время директоромъ Вологодской гимназіи. Но Власовъ не одобрилъ его стремленія сдѣлаться писателемъ и старался удержать его на поприщѣ педагога: «Повѣрьте, писалъ онъ ему, что вы гораздо болѣе принесете пользы обществу, какъ даровитый наставникъ, нежели извѣстный писатель... Въ вашихъ стихахъ виденъ еще безотчетный юношескій пылъ молодости, а нѣтъ сознанія того занятія, которое выпало на вашу долю. Вы не понимаете жизни. Она вамъ кажется только тамъ, гдѣ умствованіе, анализъ: нѣтъ, тамъ-то человекъ и живетъ, и дѣйствуетъ, какъ живая личность, гдѣ не одинъ умъ, а всѣ силы въ игрѣ».

Отчасти вслѣдствіе этихъ совѣтовъ, отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ, В. Я. дѣйствительно окончательно остался педагогомъ и прослужилъ въ 3-й гимн. почти 20 л. (съ 1852 по 1871) Въ то же время онъ преподавалъ Русск. яз. и слов. въ 1-мъ Маріинскомъ училищѣ (съ 1858—1861 г.) и въ Маріинскомъ Институтѣ (съ 10 февр. 1862 по 15 авг. 1867). Въ этотъ періодъ его дѣятельности появляются самые крупные его литературно-педагогическіе труды. Выступаетъ онъ въ это время и на журнальномъ поприщѣ, сначала какъ постоянный сотрудникъ Музык. и Театр. Вѣстника, а потомъ—какъ редакторъ газеты «Русскій Міръ», въ которой помѣщено много его статей и замѣтокъ. Одинъ изъ его біографовъ, тоже теперь уже покойный педагогъ, В. Д. Сиповскій, такими краткими, но мѣткими словами охарактеризовалъ В. Я. какъ писателя: «Во всѣхъ даже самыхъ маленькихъ его замѣткахъ, всюду чувствуется прежде всего человекъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что онъ говоритъ,—человекъ, серьезно задумывающійся надъ всякимъ вопросомъ, за который берется, прямо и открыто высказывающій свои мысли и чувства, мало заботясь о томъ, понравятся ли они читателямъ, или нѣтъ. Не хлопочетъ онъ и о красотѣ фразы, но говоритъ всегда вѣско и съ достоинствомъ, не бросаетъ ни одного слова наобумъ, ничего не говоритъ сегодня такого, отъ чего завтра пришлось бы отказаться, что такъ часто случается со многими, даже и хоро-

шими журнальными писателями, слишком дающими волю своим личным чувствам».

Я привелъ эту характеристику потому, что она вѣрно изображаетъ намъ В. Я. не только какъ писателя и журналиста, но и какъ человѣка. Самую замѣчательную личную особенность его составляло именно то, что у него никогда слово не расходилось съ дѣломъ: и въ своихъ статьяхъ и сочиненіяхъ, какъ писатель, и на каедрѣ, какъ учитель, и въ жизни, какъ человѣкъ, всегда и вездѣ онъ былъ одинъ и тотъ же, всегда и вездѣ онъ обнаруживалъ одни и тѣ же вѣрованія и убѣжденія.—

Журнальная дѣятельность В. Я. продолжалась всего только годъ съ небольшимъ, и послѣ этого краткаго опыта на поприщѣ публициста, онъ окончательно остановился въ своей дѣятельности, какъ писатель, на вопросахъ литературно-педагогическихъ. Къ этому времени относятся его крупныя сочиненія: Высшій курсъ русской грамматики, О преподаваніи русской литературы, Руководства для теоретическаго и историческаго изученія русской литературы, Статьи о Княжнинѣ, Сумароковѣ, о Трудахъ Вольнаго російскаго Собранія и цѣлый рядъ статей о сочиненіяхъ Островскаго, Майкова, Никитина. Эти многочисленные литературныя труды, вмѣстѣ съ его практической педагогической дѣятельностью, сдѣлали его извѣстнымъ въ Петербургѣ педагогомъ, и на его долю выпала честь быть преподавателемъ Русской Словесности Вел. Княз. Владиміру Александровичу и Николаю Николаевичу Младшему, Велик. Князьямъ Лейхтенбергскимъ Сергію, Евгенію и Юрію Максимиліановичамъ, Вел. Княжнѣ Евгеніи Максимиліановнѣ, принцессѣ Ольденбургской и принцессѣ Еленѣ Георгіевнѣ Мекленбургъ—Стрелицкой.

Конецъ 50-хъ и начало 60-хъ гг. ознаменовались у насъ внезапно пробудившимся вниманіемъ общества къ вопросамъ воспитанія и обученія. Первый толчокъ этому новому движенію въ области нашей педагогики данъ былъ знаменитыми «Вопросами жизни» Н. И. Пирогова, заставившими заняться этимъ главнѣйшимъ вопросомъ жизни, — воспитаніемъ подростающаго поколѣнія, — не только самихъ педагоговъ, но и все общество. Появились педагогическіе журналы, возникли педагогическія собранія, Комитетъ грамотности, воскресныя школы, положено

было начало женскимъ гимназіямъ. В. Я. принималъ во всемъ этомъ движеніи самое дѣятельное участіе и работалъ съ удвоенною энергіей, найдя себѣ самую дѣятельную и искреннюю помощницу въ лицѣ бывшей своей ученицы, М. Н. Тихменевой, съ которой вступилъ въ бракъ въ 1865 г.

Въ концѣ 60-хъ г. г. ему предложено было занять кафедру Русской Литературы въ Варшавскомъ Университетѣ, но предложеніе это не могло осуществиться по чисто формальнымъ причинамъ. А вскорѣ послѣ этого онъ принялъ мѣсто Инспектора классовъ въ Московскомъ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ, гдѣ около него соединились лучшія силы учебно-воспитательнаго персонала Института, при искреннемъ содѣйствіи которыхъ ему удалось на первыхъ же порахъ поднять на должную высоту преподаваніе и ввести въ дѣло воспитанія сиротъ здоровыя педагогическія начала. Но, къ сожалѣнію, плодотворная дѣятельность В. Я. въ институтѣ продолжалась недолго. «Такіе люди, какъ Стоюнинъ, говоритъ его біографъ, В. Д. Сиповскій: «могутъ имѣть лишь искреннихъ друзей или недоброжелателей. Прямая натура его, не допускающая никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, никакой угодливости и приспособленія къ людямъ и обстоятельствамъ, неизбѣжно должна была создавать ему недоброжелателей. Всякій человѣкъ съ нравственными изъянами сразу могъ замѣтить его нерасположеніе къ себѣ, и естественно становился недоброжелательнымъ къ нему. А ему, какъ инспектору, приходилось на каждомъ шагѣ сталкиваться со множествомъ людей, нерѣдко довольно вліятельныхъ, обращавшихся къ нему со всевозможными просьбами, не всегда законными, съ заявленіями, часто несправедливыми. На экзамены являлись въ качествѣ визитаторовъ иногда люди предубѣжденные противъ него. Безъ столкновеній обойтись было трудно, особенно когда жертвами нерасположенія къ нему являлись ни въ чемъ неповинныя воспитанницы. И столкновенія начались... Въ житейской борьбѣ чаще побѣду одерживаютъ не люди сильные духомъ, а люди неразборчивые въ оружіи,—побѣду, правда, не почетную, но все же побѣду. В. Я. пришлось оставить свою должность и Москву въ 1874 году.»

По возвращеніи въ Петербургъ, В. Я. нашелъ поддержку

въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицахъ, знавшихъ его, какъ наставника своихъ дѣтей, и, по желанію Импер. Маріи Александровны, онъ былъ причисленъ къ Соб. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Импер. Маріи, съ сохраненіемъ содержанія по послѣдней должности. Въ это же время по приглашенію министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря Сабурова, онъ дѣлается Членомъ Ученаго Комитета Министерства.

Съ оставленіемъ должности инспектора въ Москов. Николаев. Сирот. институтѣ кончилось служебное поприще В. Я., и онъ сосредоточиваетъ свои силы исключительно на литературныхъ трудахъ. Кромѣ статей и сочиненій педагогическаго характера (Русскій Синтаксисъ, Руководство для преподавателей рус. яз. въ младшихъ классахъ средне учебн. завед., Классная русская хрестоматія и цѣлый рядъ серьезныхъ и важныхъ статей по педагогическимъ вопросамъ), появляются его крупные труды по исторіи русской литературы (О Кантемирѣ, Пушкинѣ, Шишковѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ принимать дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ и дѣятельности Комитета Грамотности и въ педагогическихъ собраніяхъ въ Солянскомъ городкѣ.

Въ 1881 году ему вновь представилась возможность приложить къ живому дѣлу свои педагогическіе взгляды. Супруга его, Мар. Никол., задумала открыть женскую гимназію, и В. Я. вмѣстѣ съ нею занялся выработкой плана и, главнымъ образомъ, тѣхъ принциповъ, которые желательно было положить въ основу новаго учебнаго заведенія.

Проработавъ въ гимназій своей супруги около 8-ми лѣтъ, В. Я. скончался 4 ноября 1888 г. и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Приступая къ его характеристикѣ, какъ человѣка и педагога, мы должны сказать, что самой характерной чертой его было то, что въ немъ сливались въ одно нераздѣльное цѣлое частный человѣкъ и общественный дѣятель, иначе говоря, — слово его всегда было и его дѣломъ, что онъ думалъ и говорилъ, то онъ и дѣлалъ. Поэтому, объ немъ не можетъ быть двухъ разныхъ отзыовъ: тѣ качества, которыя характеризуютъ его, какъ личность, являются отличительными чертами его и въ его обще-

ственной дѣятельности. Вотъ почему, не смотря на всю его наружную сдержанность и несообщительность, онъ всегда былъ ясенъ и понятенъ для всѣхъ, кто съ нимъ сближался или приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе, какъ для взрослыхъ, такъ и для многочисленныхъ его учениковъ и ученицъ. И вотъ почему послѣдніе, со свойственной юности чуткостью, никогда не смущались его наружной холодностью и суровостью и всегда чувствовали, хотя и безсознательно, что этотъ молчаливый, по наружности сухой и несообщительный учитель—ихъ лучшій и надежнѣйшій другъ и наставникъ. То впечатлѣніе, какое оставлялъ онъ въ своихъ бывшихъ ученикахъ, всего сильнѣе сказалось на 50 лѣтнемъ юбилеѣ 3-й Спб. Гимназіи, въ которой В. Я. прослужилъ почти 20 л. Когда читался историческій очеркъ гимназіи, самые жаркіе аплодисменты прерывали тѣ мѣста отчета, гдѣ говорилось о В. Я. Стоюнинѣ; самый тѣсный и многочисленный кружокъ бывшихъ питомцевъ гимназіи постоянно указывали мѣсто, гдѣ находился В. Я.; самые горячіе тосты и выраженія признательности обращались къ нему же; желая ознаменовать добрымъ дѣломъ день, когда бывшіе воспитанники снова увидали въ своей средѣ своего любимаго преподавателя, они во время обѣда составили подписку на образованіе Стоюнинскаго капитала, чтобы выдавать изъ него ежегодно денежное пособіе одному изъ выходящихъ воспитанниковъ.

Въ письмѣ къ В. Я. одного изъ бывшихъ его учениковъ мы находимъ и объясненіе этого энтузіазма: «Четверть вѣка, проживъ нами послѣ выпуска изъ гимназіи,—говорится въ этомъ письмѣ,—не ослабила, а укрѣпила въ насъ то естественное для всѣхъ вашихъ учениковъ чувство, которое возбуждала въ насъ ваша личность и въ стѣнахъ, и за стѣнами гимназіи. Передъ нами стоятъ живыми и теперь идеалы, какіе вы передъ нами ставили, пока мы слушали ваше правдивое слово съ учительской кафедры, и тѣ принципы, какіе вы проводили и проводите не только въ литературѣ, но и въ жизни».

Вотъ, значитъ, въ чемъ заключается причина того энтузіазма, съ которымъ относились и до сихъ поръ относятся къ В. Я. его бывшіе ученики. Причина эта состоитъ въ томъ, что онъ, какъ классный преподаватель, былъ не простымъ передатчикомъ

научныхъ фактовъ и научныхъ знаній, а *учителемъ* въ высшемъ значеніи этого слова, наставникомъ и руководителемъ на пути нравственнаго самоусовершенствованія своихъ юныхъ питомцевъ въ томъ, что

... указуя яъ жизнь дорогу,
Онъ *человѣка* идеаль
Предъ ними долго, понемногу
И терпѣливо раскрывалъ.

Чтобы умѣть открыть этотъ идеаль *человѣка* и показать его другимъ, надо самому хоть сколько нибудь приближаться къ этому идеалу; надо самому имѣть идеальныя воззрѣнія на нравственное достоинство *человѣка* и умѣть цѣнить въ немъ тѣ добрыя начала, которыя, дѣйствительно, составляютъ истинную цѣну въ *чѣловѣкѣ*. И В. Я., дѣйствительно, такъ и относился къ людямъ. Идеалистъ въ лучшемъ и высокомъ значеніи этого слова, онъ умѣлъ и самъ чтить и другихъ умѣлъ научить уважать высшія стороны *человѣческаго* существа. «Я не презиралъ людей,—говоритъ онъ о самомъ себѣ,—всегда сознавалъ, что въ нихъ болѣе добра, чѣмъ зла, вѣрилъ, что первое сильнѣе втораго, что это—явленіе временное, а то—вѣчно».—Этотъ гуманный взглядъ на людей вытекалъ у него изъ всего его нравственнаго существа, изъ того глубокаго чувства любви, которымъ онъ былъ весь проникнутъ. «Только одна любовь наша къ *человѣку*»,—писалъ онъ въ своемъ разборѣ поэмы Никитина «Кулакъ»,—можетъ произвести спасительный переворотъ въ томъ кругу, который такъ позагрязнился отъ невѣжества и гнетущей нужды,—ни строгости, ни преслѣдованія, ни наказанія, ничто не подѣйствуетъ.... любви, побольше любви къ *человѣку*, а она уже сама скажетъ намъ, что нужно сдѣлать, чтобы спасти его отъ заразы, и сила ея такова, что придуманныя ею средства не останутся лишь одними словами въ видѣ высказаннаго мнѣнія, но быстро перейдутъ въ дѣло, въ исполненіе, очистятъ зараженный воздухъ и произведутъ благотѣльную перемѣну».

Этой любви и сердечности въ самомъ В. Я. было такъ много, что, не смотря на свой суровый видъ и сдержанное обращеніе, онъ быстро располагалъ къ себѣ всѣхъ, кто встрѣчался съ нимъ

на жизненномъ пути, при чемъ всѣмъ ярко бросались въ глаза и другія его качества: прямота характера, твердость убѣжденій, нравственная неподатливость и неспособность поступаться своими принципами ради какихъ либо житейскихъ благъ. Эту твердость и благородство души, неуклонно стремящейся къ той высокой, идеальной цѣли, которая яркимъ свѣтомъ озарила его жизненный путь, онъ самъ мѣтко выразилъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, такъ опредѣливъ земной жребій человѣка:

«Борись, и мучься, и страдай,
«И просвѣщай, и утѣшай,
«И совершишь свое призванье...»

И онъ совершилъ его! Борясь, и мучаясь, и страдая, онъ и просвѣщалъ и утѣшалъ цѣлыя поколѣнія русскихъ людей, съ неослабной энергіей и неугасаемымъ энтузіазмомъ рисуя передъ ними свѣтлый идеалъ человѣка и гражданина, призывая ихъ къ энергическому труду на общую пользу, къ самостоятельной умственной дѣятельности и къ неослабной нравственной работѣ надъ самими собою. И всему этому давалъ онъ примѣръ своей личной жизнью и личной дѣятельностью.—Одинъ изъ его біографовъ такими мѣткими и вѣрными чертами обрисовываетъ намъ личность нашего дорогаго наставника:

... «Не помню, по какому случаю я познакомился со Стоюнинымъ; помню только то, что первое впечатлѣніе онъ произвелъ на меня не особенно пріятное. Сухощавая, высокая и прямая фигура его, болѣзненное, морщинистое и нѣсколько суровое лицо его съ темной бородой, окаймленное темными прямыми волосами, производило впечатлѣніе чего-то жестокаго и сухаго. Самая рѣчь его, отрывистая и рѣшительная, казалась сухой и не въ мѣру авторитетной.

Но чѣмъ ближе я узнавалъ его, тѣмъ все больше и больше сглаживалось это впечатлѣніе, и все яснѣе и яснѣе просвѣчивала его идеальная, добрая душа. То, что принималось за излишнюю авторитетность, оказывалось убѣжденностью; наружная сухость оказывалась лишь сдержанностью въ словахъ. И личность эта становилась все милѣе и дороже. То обстоятельство, что не сразу замѣчались ея прекрасныя качества, что они какъ-то скрывались отъ наблюденія, дѣлало ихъ еще цѣннѣе, какъ своего рода

открытіе. И мало-по-малу въ личности Стоюнина все начинало нравиться: и фигура, слишкомъ прямая для шестидесятилѣтняго человѣка, притомъ много работавшаго за письменнымъ столомъ, и темные прямые волосы, нетронутые сѣдиною, окаймляющіе постарѣвшее лицо... Все это, казалось, гармонировало съ тою прямою душою, которая была отличительною чертою Стоюнина, съ той энергіею чувства и мысли, которыя придавали ему что-то свѣжее, юношеское... Даже отрывистая рѣчь, по большей части скупая на слова, наводила на мысль о дѣловомъ человѣкѣ, у котораго есть нѣчто посерьезнѣе, чѣмъ краснорѣчивые разговоры... Говорилъ онъ съ увлеченіемъ лишь тогда, когда приходилось ему высказывать свои завѣтныя мысли... Бывать у Стоюнина мнѣ всегда было въ высшей степени пріятно: помимо того, что у такого знающаго и умнаго человѣка можно было многимъ позаимствоваться,—какъ-то хорошо и свѣтло становилось на душѣ въ присутствіи его. Вотъ, думалось, человѣкъ, дожившій почти до старости и сохранившій всю свѣжесть души, не утратившій вѣры ни въ идеалы, ни въ людей, человѣкъ, много работавшій и теперь работающій безъ устали, работающій надъ тѣмъ, что полезно не для него только, а для другихъ, человѣкъ, глубоко убѣжденный и никогда не измѣнявшій своимъ убѣжденіямъ... За это не разъ чувствительно мяла его суровая дѣйствительность, но не смяла! И вѣрилось, глядя на него, что если бы и большія жизненные невзгоды и бури обрушились на него, то не согнули бы его, а скорѣе сломили бы въ конецъ».

Эта твердость и стойкость души возможны только при ясномъ и твердо установившемся въ ней идеалѣ, соединенномъ съ вѣрою въ высокое достоинство нравственной природы человѣка. И мы, дѣйствительно, видимъ, что эта вѣра составляетъ основной мотивъ въ его педагогическихъ воззрѣніяхъ. И въ своей личной педагогической дѣятельности, и въ своихъ статьяхъ по разнымъ педагогическимъ вопросамъ онъ настойчиво проводилъ идею, что воспитаніе состоитъ не въ простомъ формальномъ развитіи душевныхъ способностей человѣка, а въ развитіи ихъ въ извѣстномъ направленіи, въ зависимости отъ того идеала, который будетъ принятъ въ руководство.

«У насъ обыкновенно говорятъ,—читаемъ въ одной изъ его

статей,—что развитіе душевныхъ силъ или способностей должно составлять самое главное въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, что если юноша, оканчивающій курсъ, выкажетъ въ себѣ значительное развитіе, то воспитательное заведеніе сдѣлало свое дѣло; отъ него больше ничего и не потребуется: развитой юноша съ извѣстнымъ запасомъ разнообразныхъ научныхъ познаній, можетъ назваться образованнымъ человѣкомъ. Противъ этого конечно, спорить нельзя; но нельзя и не замѣтить, что ко всему этому недостаетъ еще одного весьма важнаго условія. Можно быть человѣкомъ развитымъ и образованнымъ такъ, какъ наша современность понимаетъ образованіе, но безъ всякаго *направленія* своихъ душевныхъ силъ; можно даже казаться человѣкомъ съ убѣжденіями, но безъ всякаго стремленія къ дѣятельности.

... Если бы все дѣло воспитанія состояло въ одномъ развитіи, тогда не о чемъ было бы много задумываться и спорить, какіе взять научные предметы для воспитанія, какъ распредѣлять ихъ. Каждый научный предметъ можетъ быть хорошимъ средствомъ для развитія въ рукахъ порядочнаго педагога. Но мы хотимъ, чтобы въ молодомъ человѣкѣ, выступающемъ въ жизнь, было *какое-нибудь направленіе*, безъ котораго онъ не будетъ знать, куда ему устремить свои силы. А направленіе его зависитъ отъ того, надъ чѣмъ болѣе приходилось ему думать, что давало ему матеріалъ для мышленія въ то время, когда еще развивались его умъ и нравственныя силы. Это обстоятельство весьма важно, и на него необходимо обратить вниманіе... Надъ чѣмъ же слѣдуетъ заставить его задумываться? Надъ чѣмъ преимущественно останавливать его вниманіе? Это зависитъ отъ того принципа, который вы полагаете въ основаніе для образованія человѣка и безъ котораго мы не признаемъ возможности развить какую-нибудь нравственную воспитательную систему».

Какой же принципъ надо положить, по мнѣнію В. Я., въ основу воспитанія? На это даетъ отвѣтъ опредѣленіе, что такое добросовѣстный, понимающій важность своего назначенія учитель, сдѣланное В. Я. въ одной изъ его статей. «Такіе учителя, говоритъ онъ, не могутъ ограничиться одною формальностью, однимъ механизмомъ преподаванія; нѣтъ, у нихъ есть *идеалъ чѣловѣка и граждаина*, которымъ они живутъ сами и къ кото-

рому стремятся вести своихъ питомцевъ. Они развиваютъ въ юношахъ сознаніе человѣческаго достоинства, убѣжденные, что безъ этого чувства не можетъ развиваться *человѣкъ* въ томъ смыслѣ, какого отъ нихъ требуютъ для общества, не можетъ развиться и чувство гражданина, котораго они обязаны готовить на службу отечеству. Съ тѣмъ же самымъ убѣжденіемъ они развиваютъ въ немъ и уваженіе личности какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ».—Внести въ школу идеалъ человѣка, значило, по мнѣнію В. Я., дать ей возвышенную цѣль и новое назначеніе.

Но что значить: воспитывать человѣка?—это значить, отвѣчаетъ В. Я., «дать свободно развиваться природнымъ его силамъ, оберегая ихъ отъ всѣхъ вредныхъ вліяній»?—Къ числу такихъ вліяній, независимо отъ разнородныхъ житейскихъ, часто вовсе не педагогическихъ, условій, онъ относилъ всякую, извнѣ навязанную школѣ теорію, всякую тенденцію, вытекающую не изъ педагогическихъ, вполне согласныхъ съ природными свойствами человѣка, требованій, а изъ стремленій, ничего общаго съ дѣломъ воспитанія не имѣющихъ. По его мнѣнію, школа сама по себѣ есть «не что иное, какъ извѣстный періодъ жизни несовершеннолѣтняго человѣка, которому потомъ предстоитъ сдѣлаться гражданиномъ своей земли и принять на себя извѣстныя обязанности по отношенію къ гражданскому обществу и государству. Изъ этого періода жизни онъ переходитъ въ другой, когда долженъ примкнуть къ общей дѣятельности, найти себѣ мѣсто по силамъ въ общей жизни, самъ отвѣчать за свои поступки и самъ отстаивать свое право на жизнь, самъ вносить долю добра въ общую кассу. Значить, ему космополитомъ и эгоистомъ вступить въ эту жизнь нельзя. Мы говоримъ про жизнь гражданскую, законно развивающуюся изъ тѣхъ началъ, на которыя мы указали уже прежде. Чтобы эти начала не погибли въ русской жизни, общество въ правѣ требовать отъ школы, что бы въ своемъ идеалѣ человѣка она не забывала предоставлять ей идеалъ гражданина».

Заканчивая ту главу, изъ которой мы взяли только что приведенную цитату, онъ дѣлаетъ такой выводъ: «И такъ, пользуясь уроками прошлаго, мы отрицаемъ школу, основанную на какой

либо предвзятой идеѣ. Мы утверждаемъ, что школа можетъ правильно развиваться или, лучше, жить правильною жизнію только на основаніи одной общей идеи—воспитывать *человѣка* для дѣйствительной жизни. А такъ какъ въ дѣйствительной жизни *человѣкъ* является гражданиномъ своего народа и дѣятелемъ въ обществѣ, то и наше требованіе отъ школы—не забывать этого—не будетъ исключительнымъ требованіемъ, не будетъ и предвзятой идеей, которая могла бы сѣздить понятіе о *человѣкѣ*. Въ этомъ и должно состоять идеальное требованіе со стороны общества; за этимъ оно имѣетъ полное право слѣдить и высказывать свое мнѣніе, предоставляя специалистамъ разрабатывать задачу, согласно съ выводами науки».

Такимъ образомъ, идеаль *человѣка* и идеаль гражданина были тѣсно связаны въ понятіяхъ В. Я. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что «одного безъ другаго мы не должны представлять, потому что одинъ помогаетъ развитію другаго».—Слѣдов. идеаль *человѣка* онъ понималъ не въ отвлеченной и туманной формѣ беспочвеннаго космополита, а облакалъ его въ національныя формы, а потому и сама школа должна была имѣть, по его мнѣнію, національный характеръ.

Но настаивая на необходимости внести въ школу идеаль *человѣка* и гражданина, В. Я. не признавалъ возможности навязывать воспитывающимся какіе-либо готовые идеалы. «Если школа, говоритъ онъ, какъ извѣстный періодъ жизни *человѣка*, предназначеннаго для жизни гражданской, связывается съ періодомъ совершенствѣнія, когда въ немъ вполне вырабатывается нравственный идеаль и когда нравственное его достоинство возвышается отъ сознанаго безкорыстнаго стремленія къ истинѣ, правдѣ, добру, изящности, то нельзя требовать отъ школы, чтобы она выпускала молодыхъ людей уже съ готовыми идеалами... Нравственный, живительный идеаль развивается и проникаетъ въ сердце только въ связи съ дѣйствительною общественною жизнію, и только тогда онъ можетъ назваться не мечтательнымъ, не фальшивымъ, не болѣзненнымъ, а идеаломъ здоровымъ, близкимъ къ настоящей жизни, способнымъ вызвать на энергическій и не бесполезный трудъ. Школа должна приготовить духовныя силы юноши для созданія идеала, должна пробудить въ немъ

безкорыстную любовь къ истинѣ, правдѣ, добру и прекрасному, и стремленіе къ нимъ; но она не можетъ навязывать никакой теоріи для жизни, равно никакой исключительной идеи, которой должна быть посвящена жизнь, какъ это дѣлають школы іезуитскія. Безъ этихъ оковъ долженъ вступить юноша въ жизнь, съ полной свободой выбрать себѣ поприще, лишь были бы въ немъ умъ, чувство справедливости, честности, стремленіе соединить свое благо съ общимъ. Теоріи для жизни предписывать нельзя, по этому нельзя и подавлять тѣхъ врожденныхъ стремленій человѣка, которыя составляютъ его полную жизнь».

Давъ намъ вышеприведенное опредѣленіе того направленія, какого должна держаться, по его мнѣнію, всякая правильно веденная школа, В. Я. прекрасно опредѣлилъ намъ и ту цѣль, къ которой она должна стремиться: «Развивать правильныя понятія научными знаніями, какъ основу вѣрныхъ сужденій, и въ связи съ ними вызывать любовь къ истинѣ и стремленіе къ ней; пробуждать прекрасныя чувства, любовь и стремленіе ко всему прекрасному; доводить до вѣры въ нравственные идеалы, связанные съ высшими интересами жизни,—вотъ идеальныя черты истиннаго педагога». Они будутъ, конечно, идеальными чертами и настоящей, правильной школы.

Подобныя идеальныя требованія, свидѣтельствующія объ идеальномъ и возвышенномъ характерѣ ихъ автора, могутъ быть проводимы въ жизнь только путемъ самоотверженной, безкорыстной дѣятельности, единственную награду которой составляетъ сознаніе исполненнаго нравственнаго долга и принесенной пользы. На этотъ самоотверженный характеръ дѣятельности истиннаго педагога мы находимъ указаніе въ одной изъ его рѣчей. Говоря въ ней о трудности педагогическаго поприща, онъ замѣчаетъ. «Но есть и другая сторона его, которая привлекаетъ педагоговъ истинныхъ, а не ремесленниковъ. Не о хлѣбѣ единомъ живѣ будешь. Эти слова прекрасно оправдываются на тѣхъ, кто передаетъ чистѣйшую часть своей души юнѣйшимъ, воспитывая и направляя ихъ. Тотъ не думаетъ, что, можетъ быть, бѣдно кончится его физическое существованіе; онъ убѣжденъ, что онъ продлитъ свою жизнь въ другихъ, что тамъ ничто не убьетъ ее; а развѣ разумно жить дольше всѣхъ, не

видѣть и конца этой жизни не есть награда за трудъ, за подвигъ воспитателя?»

Да, тотъ трудъ, какой воспитатель долженъ поднять на себя, чтобы удовлетворить тѣмъ идеальнымъ педагогическимъ требованіямъ, которыя В. Я. такъ настойчиво проводилъ въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ, трудъ этотъ, дѣйствительно, есть подвигъ. И самымъ лучшимъ, типическимъ представителемъ такого подвига былъ самъ покойный Вл. Як., который съ бѣльшимъ, чѣмъ кто либо, правомъ могъ повторить слова поэта:

„Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
„Удѣлъ, назначенный Тобой,
„И не сомкну очей въ дремотѣ,
„И не ослабну предъ борьбой!
„Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
„Не отойду я отъ него,
„Покуда не прорѣжу нивы,
„Господь, для сѣва Твоего!

И онъ, дѣйствительно, не бросилъ своего плуга и не отошелъ отъ него, пока не прорѣзалъ доставшейся ему въ жизни нивы.—Съ словами труженика, узрѣвшаго, наконецъ, предѣлъ своего поприща: «Ну что же, вѣдь я работалъ» онъ и отошелъ отъ насъ въ лучшую жизнь.

Да, онъ, дѣйствительно, *работалъ*, трудился много и неустанно, и работа его принесла богатые плоды, потому что она была не простая работа. Отличительный ея характеръ, была борьба, но не столько съ внѣшними условіями жизни, сколько борьба съ самимъ собою, неустанная работа надъ своимъ собственнымъ нравственнымъ существомъ, съ цѣлію осуществить, по возможности, въ своей личной жизни идеалъ человѣка и гражданина, какъ онъ представлялся ему въ его благородныхъ мечтахъ и стремленіяхъ.

Въ одной изъ своихъ рѣчей, обращенной къ выпускнымъ ученицамъ, онъ напутствовалъ ихъ такими словами: Настоящій моментъ «раздѣляетъ два періода вашей жизни: одинъ протекшій—періодъ воспитанія подъ неусыпнымъ надзоромъ другихъ; другой—періодъ самовоспитанія и самообразованія, о которомъ я теперь и хочу сказать нѣсколько словъ. Вы ждете воли, сво-

боды; съ нею соединяете мысль объ удовольствіи, весельи; это ожиданіе очень естественно для васъ, неизвѣдавшихъ еще свободы и соединенныхъ съ нею благъ, очень понятно для насъ, знакомыхъ съ вами. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ не сказать вамъ, что главная сторона свободной жизни еще не высказывалась передъ вами и не могла занимать серьезно вашей мысли. Жизнь трудовая вамъ представлялась, можетъ быть, только въ работѣ на другихъ для обезпеченія своего матеріальнаго существованія; но она не представлялась *въ самой тяжелой работѣ надъ собою, надъ своею личностію, что мы называемъ самовоспитаніемъ*. Не многіе приходятъ къ этой работѣ, окончивъ свое школьное воспитаніе, но за то не многіе и устраиваютъ сами себѣ счастье, которое по крайней мѣрѣ на половину зависитъ отъ насъ самихъ. Чтобы оно было прочно, для него также нужно потрудиться; такого рода трудъ и есть самовоспитаніе. Оно требуетъ прежде всего опредѣленія своей личности и въ особенности всѣхъ своихъ недостатковъ, которые всегда являются нашими собственными, такъ сказать, домашними врагами. Для этого необходимо самое зоркое наблюденіе надъ собою, самый строгій судъ надъ своими поступками, наконецъ медленная и долгая борьба, которая часто требуетъ всѣхъ нашихъ духовныхъ силъ. Только такой трудъ надъ собою можетъ научить насъ владѣть собою и идти твердо по пути добра и правды. Ужъ это одно составляетъ счастье, хотя мы со счастьемъ обыкновенно соединяемъ мысль о покоѣ, а не объ усилии подавлять въ себѣ порывы грубыхъ страстей, мысль о наслажденіи, а не о трудѣ... Такое самовоспитаніе долженъ пройти каждый умный человѣкъ, получившій основательное образованіе въ школѣ».

Въ этомъ самовоспитаніи, о которомъ говоритъ здѣсь В. Я., въ этомъ зоркомъ наблюденіи за самимъ собою заключается главное средство выработать въ себѣ тотъ идеалъ, о которомъ съ такимъ увлеченіемъ всю жизнь проповѣдывалъ намъ нашъ дорогой наставникъ,—идеалъ человѣка и гражданина.

Таковы были теоретическіе взгляды В. Я. на задачи школы и воспитанія. Но высказать такіе взгляды—это еще половина дѣла. Мы очень часто видимъ, что разсуждаетъ человѣкъ хо-

рошо и правильно, но эти разсужденія мало и слабо выражаются въ его собственной дѣятельности: слова такъ и остаются словами и почти не переходятъ въ дѣло. Но какъ педагогъ, В. Я. тѣмъ именно и выдѣляется изъ ряда другихъ педагоговъ, что его отвлеченные педагогическіе взгляды и разсужденія не были только теоріей, но непосредственно переходили въ дѣло и ясно и неизмѣнно выражались въ его собственной педагогической дѣятельности. Говорю это такъ утвердительно потому, что имѣлъ счастье быть однимъ изъ его учениковъ. И я бы желалъ, чтобы эти слова мои не были приняты только за слова. Если вообще встрѣтить въ жизни хорошаго, честнаго, благороднаго человѣка, стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ, добраго и человѣчнаго въ обращеніи, благотворно вліяющаго на окружающихъ — есть дѣйствительно счастье, то насколько же счастливы тѣ люди, которымъ выпадетъ на долю встрѣтиться съ такимъ человѣкомъ во время своего отрочества и ранней юности, когда человѣкъ особенно нуждается въ благотворномъ воздѣйствіи надежнаго нравственнаго руководителя!

Чтобы понять, что такое былъ для насъ В. Я., надо вспомнить, въ какой невыгодной въ нравственномъ отношеніи обстановкѣ суждено было намъ провести наши юные годы. Это было какъ разъ наканунѣ пробужденія въ нашемъ обществѣ вниманія къ вопросамъ воспитанія, когда наша школа доживала свой старый, дореформенный періодъ, т.-е. конецъ 50-хъ и начало 60-хъ гг. Несмотря на то, что въ первой половинѣ этого періода во главѣ гимназіи находился прекрасный, по отзывамъ В. Я., педагогъ, Ѳ. И. Буссе, мы лишены были всякаго правильнаго и благотворнаго нравственнаго руководства и вполне предоставлены были самимъ себѣ. И если такое положеніе вещей не совсѣмъ безопасно для однородной дѣтской среды, то насколько же было это опасно и вредно при тѣхъ условіяхъ, какія существовали тогда въ 3-й гимназіи. Ученики засиживались въ классахъ неопредѣленное число лѣтъ: класснаго возраста опредѣлено не было. По крайней мѣрѣ во время пребыванія моего въ 1-мъ кл., среди насъ, 10—11 лѣтнихъ мальчугановъ, находился въ томъ же классѣ 20-лѣтній юноша, настоящіе товарищи котораго уже оканчивали курсъ; въ 3-мъ классѣ тоже сидѣли 20—22-лѣтніе

юноши, брившіе бороду. Всякому безъ дальнѣйшихъ объясненій понятно, каковы должны были быть нравы и взаимныя отношенія учащихся при подобныхъ условіяхъ. Со стороны нашихъ непосредственныхъ руководителей-воспитателей мы не видѣли никакого противодѣйствія вредному вліянію этихъ условій: они ограничивались внѣшнимъ надзоромъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ. До нашего же нравственнаго міра, до того, что совершается въ нашихъ дѣтскихъ головахъ и сердцахъ, какими мыслями и чувствами мы живемъ, до этого имъ не было равно никакого дѣла. И мы сами тогда же ясно это чувствовали и сами не питали къ нашимъ воспитателямъ никакой привязанности, никакого уваженія, не удостоивая ихъ въ большинствѣ случаевъ даже чувствомъ вражды, и относились къ нимъ съ вполне заслуженнымъ ими презрѣніемъ, недоувѣріемъ и пренебреженіемъ.

Среди подобныхъ лжепедагоговъ нашихъ намъ суждено было встрѣтить одну только свѣтлую, благородную, честную, искренно насъ любившую и искренно объ насъ заботившуюся личность, — нашего дорогого и незабвеннаго В. Я. Онъ одинъ своимъ благотворнымъ, облагораживающимъ вліяніемъ поддержалъ насъ въ самую опасную и трудную минуту нашей жизни. Онъ одинъ и своимъ личнымъ поведеніемъ и обращеніемъ, и своими бесѣдами на урокахъ пробуждалъ въ насъ высокія, истинно человѣческія чувства, мысли и стремленія. Каждый его урокъ, каждая его бесѣда были тѣмъ свѣтлымъ лучомъ, который освѣщалъ намъ нравственный мракъ нашей печальной гимназической жизни и указывалъ намъ настоящій нравственный путь, потому что онъ былъ не просто учитель, т.-е. не передатчикъ только извѣстнаго запаса научныхъ свѣдѣній, а проповѣдникъ высокихъ и облагораживающихъ идей, которыми совершенно очевидно для всякаго, даже для учащихся, проникнуты были не только его статьи и сочиненія, но и его классныя бесѣды, его обращеніе съ людьми, вся его свѣтлая личность. Уже одно обращеніе его съ нами исполнено было такого очевиднаго даже для насъ чувства собственнаго человѣческаго достоинства, что это невольно вызывало и въ насъ такое же чувство: въ его присутствіи мы невольно нравственно подтягивались, забирали

себя въ руки и изъ запущенныхъ школьниковъ дѣлались людьми. И достигалось это безъ всего того арсенала внѣшнихъ мѣръ, въ формѣ крика, наказаній, записей и т. п., безъ чего не обходился тогда ни одинъ изъ нашихъ лже-наставниковъ. В. Я. не только никогда почти не прибѣгалъ ни къ какимъ внѣшнимъ мѣрамъ, но даже никогда почти не возвышалъ голоса, никогда не обнаруживалъ ни раздраженія, ни нетерпѣнія. Всегда ровный, спокойный, но строгій и серьезный, онъ умѣлъ держать классъ въ порядкѣ и увлекать насъ къ занятіямъ только силою своего нравственнаго вліянія. Не только уроками и бесѣдами, но всей своей личностью онъ внушалъ намъ самое глубокое къ себѣ уваженіе и своимъ примѣромъ вызывалъ въ нашихъ дѣтскихъ умахъ вообще идею о благородствѣ человѣческой личности. И мы безсознательно чувствовали, что, самъ исполненный чувства собственнаго человѣческаго достоинства, онъ и въ насъ искренно уважалъ это достоинство, и это возвышало насъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ. На урокахъ, во время классныхъ бесѣдъ, онъ никогда не обрывалъ ничьего, хотя бы и невѣрнаго и даже нелѣпаго мнѣнія, никогда ни надъ кѣмъ изъ учениковъ не издѣвался, не иронизировалъ, никого изъ насъ не подавлялъ своей личностью: бесѣды шли совершенно спокойно, безъ всякаго страха и смущенія, при полной увѣренности у всѣхъ насъ, что наши ошибки не будутъ жестоко обрушены намъ на голову, а будутъ деликатно, но прямо передъ нами же самими обнаружены.

Все это даетъ намъ право сказать, что каковъ В. Я. былъ въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ, таковъ же онъ былъ и въ своемъ обращеніи съ учениками, въ своей педагогической практикѣ. Никогда у него слово не расходилось съ дѣломъ, потому что пустыхъ словъ онъ никогда не говорилъ: всякое его слово выражало только то, что онъ дѣйствительно думалъ, во что всей душой вѣрилъ.

Заканчивая эти воспоминанія о В. Я. Стоюнинѣ, скажемъ о немъ его же собственными словами, произнесенными имъ объ одномъ изъ его товарищей-педагоговъ:

«Онъ передавалъ молодому поколѣнію все, что самъ носилъ честнаго и прекраснаго въ своей душѣ. Молодымъ педагогамъ

укажемъ на него, какъ на примѣръ для подражанія, а тѣ изъ насъ, которые близятся къ концу своего поприща, ободримъ себя мыслью, что завиденъ и скромный, но честный трудъ педагога: его и по смерти благословятъ многіе».

Ф. Витбергъ.

